

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
<http://www.srji.org/resources/search/127/> Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "БАСАЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба № 15441/05 и 20731/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 мая 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 ноября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Басаева и другие против России”,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильман,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни, *судьи*,

и Андре Вампах, *Заместитель Секретаря Секции*,

Заседая 7 мая 2009 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было двумя жалобами (№20731/04 и №15441/05) против Российской Федерации, поданной в Суд 30 апреля 2004 года и 9 апреля 2005 года в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») одиннадцатью гражданами Российской Федерации, перечисленными далее («заявители»). Вторая заявительница умерла 7 декабря 2005 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляла г-жа В. Милинчук, бывший Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, и в дальнейшем новый Представитель, г-н Г. Матюшкин.

3. 1 сентября 2005 года Суд решил применить Правило 41 Регламента Суда и дал приоритет обеим жалобам.

4. 2 апреля 2007 года и 7 марта 2008 года Суд принял решение уведомить Правительство о поданных жалобах.

5. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалоб по существу одновременно с рассмотрением вопроса об их приемлемости.

6. Правительство возразило против рассмотрения дел по существу одновременно с рассмотрением вопроса о приемлемости. Суд отклонил возражение Правительства.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители по делу №15441/05:

- 1) Малайка (так же – Малика) Адамовна Басаева, 1956 г.р.,
- 2) Нура Басаева, 1937 г.р.,
- 3) Лимон Лечаевна Басаева, 1979 г.р.,
- 4) Хеда Лечаевна Басаева, 1990 г.р.,
- 5) Хазан Хаважиевич Басаев, 2002 г.р.,
- 6) Хоза Салманович Басаев, 1960 г.р.,

Заявители по делу №20731/04:

- 7) Татьяна Алиевна Дикаева, 1969 г.р.,
- 8) Али Даутович Дикаев, 1932 г.р.,
- 9) Дагман Османовна Дикаева, род. 1977 г.р.,
- 10) Макка Лечаевна Дикаева, род. 1997 г.р.,
- 11) Мадина Лечаевна Дикаева, род. 1999 г.р.

8. Заявители живут в селе Мартан-Чу, Урус-Мартановского района, Чечня. До своей смерти в декабре 2005 года вторая заявительница также проживала в этом селе. Заявители с первого по шестой приходятся родственниками Лечи Басаева, 1955 г.р. Первая заявительница — его жена, вторая заявительница была его матерью, третий и четвертый заявители — его дочери, пятый заявитель — его внук, шестой заявитель — его брат. Заявители с седьмого по одиннадцатый — родственники Лемы Дикаева, 1965 г.р. Седьмая заявительница — его сестра, восьмой заявитель — его отец, девятая заявительница — его жена, десятый и одиннадцатый заявители — его дочери. Лема Дикаев был инвалидом второй группы из-за старой травмы, а именно, ему наложены швы в области живота после операции в 1996 году.

9. В рассматриваемый период времени село Мартан-Чу было под полным контролем российских федеральных сил, и на территории действовал комендантский час. Блокпосты российских федеральных сил были расположены на всех дорогах, ведущих в село и из села.

А. Исчезновение родственников заявителей

1. Позиция заявителей

(а) Задержание Лечи Басаева и последующие события

10. В ночь с 5 на 6 июля 2002 года заявители, их родственники и Лечи Басаев спали в своем доме, расположенном по улице Базарная в селе Мартан-Чу, Урус-Мартановского района Чеченской Республики. Дом заявителей состоит из нескольких спален. В первой комнате спал пятый заявитель, ему в то время было всего несколько месяцев от рождения, первая и четвертая заявительницы спали во второй комнате, и Лечи Басаев спал в третьей комнате. Ночью шел дождь.

11. Около 1 часа 30 минут ночи первая заявительница проснулась и услышала, как кто-то стучит в дверь. Когда она подошла к двери, приблизительно десять вооруженных человек в масках в камуфлированной форме и с фонариками ворвались в дом и спросили по-русски: «Где Лечи Басаев?» Ворвавшиеся разошлись по разным комнатам. Они приказали первой заявительнице лечь на кровать. Мужчины нацелили автоматы на первую и четвертую заявительниц.

12. Вошедшие не представились и не показали никакие документы, говорили по-русски без акцента. Заявители считают, что это были представители российских вооруженных сил. Военнослужащие обыскали дом и разбросали все вещи. Когда первая заявительница попыталась получить какие-то разъяснения, ей приказали молчать. Во время обыска один из военнослужащих спросил первую заявительницу: «Куда вы ездили два-три дня назад на машине?» Заявительница ответила, что этого не было. Он ответил: «Это мы знаем. Все нам известно».

13. Приблизительно 5 минут спустя военнослужащие вывели из дома Лечи Басаева. Они прошли через спальню первой и четвертой заявительниц. Первая заявительница увидела, что ее муж был одет. Через несколько минут первая и четвертая заявительницы услышали звук разматываемой клейкой ленты.

14. Они оставались около дома заявителей минут восемь-десять; уходя, военнослужащие приказали заявителям оставаться в доме. Они сказали: «Попробуйте кто-нибудь выйти на улицу. Мы будем наблюдать и расстреляем того, кто выйдет». Военнослужащие забрали с собой Лечи Басаева.

15. Как только военнослужащие ушли, первая заявительница вышла во двор. Там никого не было. Приблизительно в 50 метрах от дома она увидела большую группу вооруженных военных, которые шли в сторону центра села.

16. Примерно в 2 часа ночи первая заявительница вернулась домой. Несколько минут спустя она сообщила шестому заявителю, который жил по соседству, о похищении его брата Лечи Басаева. Шестой заявитель сказал ей дожидаться окончания комендантского часа.

17. Рано утром 6 июля 2002 года первая заявительница пошла по следам военных. Они были отчетливо видны на земле. Она дошла по следам до асфальтированной дороги, ведущей в центр села. Первая заявительница решила, что если военнослужащие пришли к ним в дом пешком, значит, они должны были быть из местной военной комендатуры.

18. Утром 6 июля 2002 года шестая заявительница и другой родственник пошли к главе администрации села. Он сказал им, что поедет в город Урус-Мартан, где находятся районные власти, и постарается выяснить, кто и почему задержал Лечи Басаева.

19. Затем около 7 часов утра шестая заявительница и сын первой заявительницы пошли домой к г-ну М., начальнику отдела внутренних дел Урус-Мартановского района (далее – «РОВД»). Когда они подходили к его дому, они увидели двоих односельчан, седьмого и восьмого заявителей, которые сказали им, что в эту же самую ночь российские военнослужащие и

увезли их родственника Лему Дикаева. По словам седьмой заявительницы, военные прибыли на двух машинах БТР (бронетранспортерах) и автомобиле «Урал», которые стояли в центре села Мартан-Чу около здания сельской администрации. Седьмой и восьмой заявители сказали шестой заявительнице и сыну первой заявительницы, что начальник РОВД еще спит, поэтому они вернулись домой.

20. Позже в это же утро вторая заявительница пошла к начальнику РОВД. Он обещал, что сразу же по приходу на работу разберется, кто же задержал Лечу Басаева.

21. Утром 6 июля 2002 первая заявительница пошла к РОВД, и у входа в здание она встретила седьмого и восьмого заявителей и других людей, чьи родственники были задержаны в селе Мартан-Чу накануне ночью.

22. Позднее односельчанин заявителей, который работал в местном отделении милиции и чье имя заявители не назвали, сообщил заявителям, что утром 6 июля 2002 года видел Лечи Басаева и Лему Дикаева в здании РОВД. Согласно показаниям свидетелей, Леча Басаев и Лема Дикаев сидели в коридоре со связанными за спиной руками, их глаза и рты были заклеены скотчем. Четверо других жителей села также содержались в РОВД: трое членов семьи г-на Аз. и г-н Б. Эти четверо мужчин были освобождены вечером 6 июля 2002 года.

23. В подтверждение своей позиции заявители из семьи Лечи Басаева представили следующие данные: показания первой заявительницы от 5 февраля 2004 года, показания седьмой заявительницы от 9 февраля 2002 года, показания шестой заявительницы от 9 февраля 2004 года, показания г-жи Х.Д. от 9 февраля 2002 и показания четвертой заявительницы от 12 февраля 2004 года.

(b) Задержание Лемы Дикаева и последующие события

24. В ночь с 5 на 6 Июля 2002 года заявители, Лема Дикаев и его мать, г-жа Дикаева, спали в своем доме по адресу: Урус-Мартан, ул. Пионерская, 24. Около 2 часов ночи 6 июля 2002 года двенадцать вооруженных мужчин в камуфляже и масках ворвались в дом. Мужчины не представились, но заявители полагают, что это были представители силовых структур России, так как они говорили по-русски без акцента. Военнослужащие наставили оружие на Дикаевых и приказали оставаться в постелях. Они обыскали дом, не предъявив никакого ордера на обыск.

25. После обыска военнослужащие вывели Лему Дикаева из спальной комнаты в коридор и там избили его прикладами автоматов. Заявители оставались в своих комнатах, но через открытую дверь могли видеть и слышали, как военнослужащие избивали их родственника. Девятая заявительница видела, как вошедшие избивали ее мужа. Заявители видели, как он истекал кровью. Они решили, что у него разошлись швы. Когда седьмая заявительница спросила, куда повели Лему, один из военнослужащих ответил ей на русском, что на следующий день они смогут увидеть его в РОВД.

26. Военнослужащие завязали Леме Дикаеву глаза и заклеили скотчем рот. Они связали ему руки за спиной, одели его и, заперев заявителей и г-жу

Дикаеву в спальнях комнатах, увезли Лему Дикаева. После избиения Лемы Дикаева следы крови остались на полу в коридоре.

27. Седьмой заявительнице удалось покинуть дом и последовать за военными. Она заметила два бронетранспортера и «Урал» в двухстах метрах от их дома. Военнослужащие погрузили Лему Дикаева в один из автомобилей и уехали. Заявительница вернулась домой и открыла родственников.

28. Днем 6 июля 2002 года военнослужащие вернулись в дом Дикаевых и обыскали его. Ордера на обыск они не предъявили.

29. 6 июля 2002 года заявители пошли во РОВД в надежде получить какую-то информацию о Леме Дикаеве. Один из милиционеров сказал, что видел Лему, сидящим на полу в коридоре РОВД со связанными руками и заклеенным скотчем ртом. Седьмая заявительница и г-н Т.Ш. пошли к Г-ну М., начальнику РОВД, и сказала, что ее брата видели в помещении РОВД. Начальник пообещал помочь и предложил написать соответствующие обращения в прокуратуру и РОВД.

30. В тот же день седьмая заявительница обратилась с письменным обращением и лично посетила районную прокуратуру, РОВД, военную комендатуру и местную администрацию, сообщив о похищении ее брата.

31. Вечером 6 июля 2002 года сотрудники РОВД сообщили заявителям, что Лема Дикаев не содержался в здании РОВД.

32. 8 июля 2002 года военнослужащие вновь пришли в дом Дикаевых с обыском, пояснив, что они ищут оружие. Затем они угрожали семье поджогом дома. Седьмая заявительница побежала к начальнику РОВД Г-ну М. и попросила о помощи. Г-н М. связался по рации с неизвестным человеком и приказал не поджигать дом. Военнослужащие подчинились. Когда военные уходили, один из них, называвший себя Григорием, сказал восьмому заявителю, что они действовали по указанию Г-на Г., военного коменданта Урус-Мартановского района.

33. В этот же день 8 июля 2002 года представитель местной администрации сообщил седьмой заявительнице, что ее брат содержится в здании районной военной комендатуры. Затем седьмая заявительница пошла к военному коменданту г-ну Г, который подтвердил, что Лема Дикаев находится в комендатуре. Г-н Г также сообщил седьмой заявительнице, что ее брат подозревается в убийстве г-на Х.Т., представителя силовых структур. Седьмая заявительница предположила, что Лему Дикаева должны были доставить в суд. Г-н Г. сказал, что судить чеченцев не имеет никакого смысла.

34. В августе 2003 года седьмая заявительница вновь встретила начальников РОВД г-ном М., который сказал ей, в случае если она наберется терпения и подождет еще хотя бы год, ее брат вернется домой. На вопрос седьмой заявительницы о том, знает ли г-н М. что-то о судьбе Лемы Дикаева, тот ответил, что рискует быть убитым, если что-то расскажет ей.

35. Заявители продолжили поиски Лемы Дикаева и связывались с Федеральной службой безопасности («ФСБ»), с прокуратурами разных уровней, администрации Чеченской Республики и к Президенту РФ.

36. В подтверждение своих утверждений заявители из семьи Лемы Дикаева представили следующие данные: показания девятого заявителя от 28 марта 2003 года, показания седьмой заявительницы от 29 марта 2003 года и 9 февраля 2004 года и нарисованную схему дома заявителей.

2. Информация, предоставленная Правительством

37. Правительство не оспаривало большую часть фактов дела, как они были представлены заявителями. Согласно Меморандуму Правительства, «около 2 часов в ночь на 6 июля 2002 года неопознанные вооруженные люди в камуфляжной форме и масках похитили из своих домов, расположенных на улице Базарная в селе Мартан-Чу, Урус-Мартановский район, ЧР, Лечи Салмановича Басаева и Лему Алиевича Дикаева и увели их в неизвестном направлении».

В. Официальное расследование похищений

1. Позиция заявителей

38. 9 июля 2002 года первая заявительница обратилась с жалобой о похищении Лечи Басаева в прокуратуру Урус-Мартановского района (далее – «районная прокуратура»). Заявители не сохранили копию этого обращения.

39. 1 августа восьмой заявитель написал военному коменданту Урус-Мартана и прокурору района заявление, где подробно описал обстоятельства задержания Лемы Дикаева и попросил помощи в установлении местонахождения его сына.

40. 2 августа 2002 года первая заявительница обратилась с жалобой на похищение Лечи Басаева. В своем письме она сообщала, что он был задержан группой примерно из двадцати вооруженных похитителей, которые не представились. Она утверждала, что обращалась с жалобами в различные органы власти, но это не привело ни к каким результатам.

41. Примерно месяц спустя сотрудники районной милиции пришли в дом заявителей и взяли показания, касающиеся обстоятельств похищения Лечи Басаева у четвертой заявительницы.

42. 23 августа 2002 года районная прокуратура возбудила расследование по факту похищения Лечи Басаева и Лемы Дикаева по признакам преступления, предусмотренного статьи 126 § 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение). Уголовному делу был присвоен номер 61117. В предоставленных материалах также указывается №61117.

43. 24 августа 2002 года первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу №61117.

44. 12 октября 2002 года военная прокуратура Объединенной группировки войск («ОГВ») направила жалобу второго заявителя в военную прокуратуру войсковой части № 20102.

45. 23 октября 2002 года районной прокуратурой уголовное дело было приостановлено в виду невозможности установить лиц, виновных в преступлении.

46. 20 декабря 2002 года седьмая заявительница написала в прокуратуру ЧР, утверждая, что ее брат был задержан представителями федеральных сил, и попросила помочь в поисках ее брата.

47. 5 февраля и 3 апреля 2003 года прокуратура ЧР уведомила первую заявительницу, что 23 октября 2002 года предварительное расследование по уголовному делу было приостановлено.

48. 20 февраля, 22 марта, 5 апреля и 25 июня 2003 года из различных прокуратур жалобы заявителей на похищение их родственников были направлены в прокуратуры нижестоящих уровней для рассмотрения дела по существу.

49. 21 апреля 2003 года седьмая заявительница попросила районную прокуратуру информировать ее ходе следствия.

50. 22 мая 2003 года прокурор войсковой части №20102 сообщил заявителям, что военнослужащие не имеют отношения к задержанию и исчезновению Лечи Басаева и Лемы Дикаева.

51. 17 июня 2003 года седьмая заявительница написала в прокуратуру ЧР обращение об исчезновении ее брата и несанкционированном обыске в доме Дикаевых. Она подробно описала обстоятельства похищения Лемы Дикаева, что похитители избили его в присутствии членов его семьи. Она требовала возобновить производство по делу, установить местонахождение ее брата и принять все необходимые меры для установления виновных.

52. 9 июля 2003 года из прокуратуры ЧР направили обращение седьмой заявительницы в районную прокуратуру и поручили возобновить производство по делу по причине незавершенности расследования.

53. 21 августа 2003 года районная прокуратура уведомила первую заявительницу, что предварительное следствие по уголовному делу было возобновлено.

54. 23 января 2004 года районная прокуратура вновь возобновила производство по делу.

55. 30 января 2004 года прокуратура ЧР сообщила седьмой заявительнице о постановлении от 23 января 2004 года и указала, что предпринимаются меры, направленные на раскрытие преступления.

56. 31 января 2004 года из Отделения ФСБ по ЧР сообщили седьмой заявительнице, что в ФСБ нет никаких сведений по поводу местонахождения ее брата и его судьбе.

57. 14 апреля 2004 года седьмая заявительница военному коменданту района ходатайство с просьбой помочь ей установить местонахождение и судьбу ее брата. Она подробно описала обстоятельства похищения Лемы Дикаева и указала, что похитители избили ее брата в присутствии всех членов семьи.

58. 4 сентября 2002 года первая заявительница обратилась с письменным обращением относительно похищения Лечи Басаева в различные органы власти: районную прокуратуру, начальнику Урус-Мартановского РОВД и к начальнику отделения ФСБ по Урус-Мартановскому району. Она утверждала, что ее муж был похищен группой военнослужащих российских федеральных сил, что она обращалась в различные правоохранительные

органы и что содействия в установлении местонахождения Лечи Басаева заявители так и не получили.

59. 21 ноября 2004 года первая заявительница обратилась с жалобой в районную прокуратуру. Она описала обстоятельства похищения ее мужа и жаловалась на то, что в течение двух лет нет никакой информации о местонахождении ее мужа, и утверждала, что власти задерживают расследование уголовного дела. Заявительница просила прокуратуру провести следующие действия: сообщить ей о ходе расследования и его результатах; возобновить следствие и провести всестороннее и эффективное расследование, установить и допросить сотрудников местной военной комендатуры, установить, где находились используемые БТРы и машину УРАЛ в ночь 6 июля 2002 года, допросить водителей, закрепленных за этой техникой, и соответствующий военный персонал; изъять документацию по учету выезда используемой техники, допросить сотрудников, которые дежурили на блокпосте в селе Мартан-Чу в ночь на 6 июля 2002 года, передать, в случае необходимости, уголовное дело в военную прокуратуру для расследования.

60. 21 ноября 2004 года седьмая заявительница обратилась с жалобой в районную прокуратуру и утверждала, что ее брата похитили представители правоохранительных органов, которые избили его. Она также заявила, что 6 июля 2002 года г-н Г.Г., военный комендант района, сообщил ей, что ее брат находился в комендатуре, что похитители ее брата еще раз приезжали к ним домой на той же самой военной технике, которую использовали в ходе задержания ее брата. Седьмая заявительница запросила в районной прокуратуре данные о ходе следствия, просила возобновить расследование и предпринять основные следственные действия.

61. 21 декабря 2004 года юристы SRJI написали запрос с описанием обстоятельств похищения Лемы Дикаева и утверждали, что он подвергся избиению со стороны похитителей. Никакого ответа на этот запрос получено не было.

62. 10 октября и 20 декабря 2005 года, а также 19 июня 2006 года восьмой заявитель обращался в районную прокуратуру с просьбой возобновить расследование по уголовному делу и разрешить ему ознакомиться с материалами уголовного дела. Никакие ответы на эти запросы получены не были.

63. На момент подачи жалобы заявители не получили никакой информации относительно хода следствия по делу о похищении их родственников.

2. Информация, предоставленная Правительством

64. 1 августа 2002 года первый и седьмой заявители обратились с жалобами на похищение Лечи Басаева и Лемы Дикаева в районную прокуратуру и просили о помощи в установлении их местонахождения.

65. 23 августа 2002 года районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту похищения Лечи Басаева и Лемы Дикаева по Статье 126 § 2 УК РФ (похищение). Уголовному делу был присвоен номер 61117.

66. 24 августа 2002 года первый и седьмой заявители были признаны потерпевшими по уголовному делу. Седьмая заявительница была допрошена и показала, что 6 июля 2002 года она и ее родственники спали дома, что около 2 часов ночи группа неустановленных вооруженных людей в камуфляжной форме и масках ворвалась в дом. Они зашли в комнату ее брата Лемы Дикаева и вывели его. Отец Лемы Дикаева (восьмой заявитель) спросил, куда они уводят его сына. В ответ ему сказали, что Лему Дикаева можно обменять на автомат. Как утверждала заявительница, она последовала за похитителями и видела, как ее брата посадили в БТР.

67. 23 октября 2002 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установить виновных.

68. 21 августа следствие по делу было возобновлено для проведения необходимых оперативных мероприятий. Заявители были уведомлены об этом постановлении.

69. 21 сентября 2003 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установить виновных. Заявители были уведомлены об этом решении.

70. 23 января 2004 года следствие по делу было возобновлено для проведения по причине «незавершенности расследования». Заявители были уведомлены об этом постановлении.

71. 23 февраля 2004 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установить виновных. Заявители были уведомлены об этом решении.

72. 8 ноября 2005 года следствие по делу было возобновлено. Заявители были уведомлены об этом постановлении.

73. 9 ноября 2005 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установить виновных. Заявители были уведомлены об этом решении.

74. 20 июня 2006 года следствие по делу было возобновлено. Заявители были уведомлены об этом постановлении.

75. 21 июня 2006 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установить виновных. Заявители были уведомлены об этом решении.

76. 7 июня 2007 года следствие по делу было возобновлено. Заявители были уведомлены об этом постановлении.

77. В неуказанное время следствием была допрошена девятая заявительница, которая показала, что около 2 часов ночи 6 июля 2002 года группа вооруженных людей в камуфляжной форме и масках ворвалась в их дом, вытащили ее мужа Лему Дикаева из кровати, пинали его и избивали прикладами автоматов. После этого ворвавшиеся обыскивали дом в течение получаса, затем заклеили рот Лемы Дикаева скотчем, связали ему руки и увели в неизвестном направлении.

78. В неустановленное время следователи провели осмотр места происшествия в доме Лечи Басаева. На месте происшествия ничего найдено не было.

79. В неустановленное время следователи направили запрос относительно Лечи Басаева в РОВД. Согласно полученному ответу, хотя

Лечи Басаев положительно характеризовался со стороны его соседей, в мае 2002 года он был осужден за незаконное хранение взрывчатых веществ.

80. В неустановленное время следователи направили в Отделение ФСБ ЧР, в различные отделения Министерства внутренних дел ЧР, войсковые части и военные комендатуры запросы информации о задержании Лечи Басаева и Лемы Дикаева или о возбуждении уголовного преследования против них. Согласно полученным ответам, данные структуры не имеют сведений о проведении какой-либо спецоперации 6 июля 2002 года или о местонахождении исчезнувших лиц. Прокуратуры различных уровней ЧР сообщили, что исчезнувшие мужчины не задерживались правоохранительными органами, уголовное или административное преследование в отношении них не возбуждалось, никто из пропавших не обращался за медицинской помощью и их тела не обнаруживались.

81. В неустановленное время следователи допросили сына Лечи Басаева, г-на Х.Б., который показал, что в 2 часа ночи 6 июля 2002 года он и его семья спали дома, когда группа неизвестных вооруженных людей в камуфляжной форме ворвались в дом. Мужчины потребовали предъявить его паспорт. Проверив документ, мужчины спросили, где находится Лечи Басаев. Он спал в соседней комнате. Спустя некоторое время свидетель видел, как вооруженные люди вывели его отца на улицу. Когда свидетель вышел из дома, похитители уже ушли. В ту ночь шел дождь, и свидетель отчетливо видел следы военной техники на земле рядом с домом. Следы вели в сторону Урус-Мартана. Утром свидетель узнал, что другой житель села Мартан-Чу, Лема Дикаев также был задержан в эту ночь.

82. В неуказанное время следователи вновь допросили первую заявительницу, которая показала, что около 2 часов ночи 6 июля 2002 года группа неизвестных вооруженных людей ворвалась в их дом. Мужчины говорили по-русски без акцента, были одеты в камуфляжную форму и в масках. Они приказали ей выйти в другую комнату и стали обыскивать дом. После завершения обыска ей сказали вернуться в комнату. Спустя некоторое время заявительница вышла из дома и увидела, что вооруженные люди уводят ее мужа в Лечи Басаева в сторону центра села Мартан-Чу. Заявительница попыталась побежать за ними, но вооруженные люди пригрозили расстрелом, если она последует за ними. Физическую силу по отношению к Лечи Басаеву не применяли, не сообщили заявительнице, куда именно уводят ее мужа, но пообещали освободить его через некоторое время.

83. В неуказанное время следователи допросили родственницу Лечи Басаева, г-жу Х.Д., которая показала, что около 2 часов ночи 6 июля 2002 года в дом ворвались неизвестные вооруженные люди в камуфляже и масках. Свидетельница испугалась и начала кричать. Мужчины, которые говорили по-русски без акцента, сказали ей замолчать и сидеть в своей комнате. Она слышала голос Лечи Басаева в коридоре, а также слышала звук разматываемой клеящей ленты. После того как вооруженные люди покинули дом, она вышла из комнаты. Вторая заявительница сказала ей, что похитители увели Лечи Басаева.

84. По всей видимости, в неустановленное время следователи вновь допросили седьмую заявительницу, которая показала, что около 2 часов ночи 6 июля 2002 года группа вооруженных людей в камуфляже и масках ворвались в дом. Мужчины сразу проследовали в комнату Лемы Дикаева. Когда восьмой заявитель спросил, куда они забирают его сына, мужчины ответили, что если он хочет увидеть своего сына, он может отменять его на автомат. После этого они вывели Лему Дикаева, посадили в БТР и увезли в неизвестном направлении. По словам свидетельницы, 8 июля 2002 года она разговаривала с военным комендантом района, который сказал ей, что ее брат Лема Дикаев был задержан по запросу начальника РОВД и главы местной администрации, так как они подозревали Лему Дикаева в убийстве г-на Х.Т.

85. В неуказанное время следователи допросили девятую заявительницу, которая показала, что около 2 часов ночь 6 июля 2002 года группа вооруженных людей в камуфляже и масках ворвались в дом. Мужчины сразу зашли в комнату, где спали она и ее муж. Они стали избивать Лему Дикаева прикладами автоматов. После они приказали заявительнице принести паспорт ее мужа. Однако затем они остановили ее и сказали, что возьмут документ сами. Они обыскивали дом около полутора часов. Когда обыск был завершен, мужчина заклеили глаза и ром Лемы Дикаева скотчем и связали ему руки. Они сказали, что освободят ее мужа после того, как получат ответы на некоторые вопросы. Похитители говорили по-русски без акцента. Они приказали членам семьи оставаться дома, угрожая, в случае неподчинения, взорвать дом гранатой. По словам свидетельницы, она слышала шум БТРов, припаркованных около дома.

86. 7 июня 2007 года районной прокуратурой совместно с РОВД и другими правоохранительными органами был составлен план следственных мероприятий уголовного дела №61117. Однако следователи отказали представить более точные сведения об этом плане.

87. 8 июня 2002 года следователями были направлены в центры содержания разных регионов Северного Кавказа запросы информации относительно содержания Лечи Басаева и Лемы Дикаева. Согласно полученным ответам, исчезнувшие никогда не доставлялись ни в один из запрашиваемых центров.

88. 11 июня 2007 года следователи допросили г-на А.Ш., соседа Лемы Дикаева, который показал, что в ночь похищения около 2 часов слышал шум двигателя машины. Он подошел к воротам, когда вооруженные люди в масках и камуфляже поравнялись с ним. Мужчины навели на него автомат и приказали ему зайти внутрь. По словам свидетеля, в этот момент он видел группу из пяти-шести вооруженных людей в масках и камуфляже, которые шли по направлению к Почтовой улице. Свидетель был напуган и оставался дома до утра. Рано утром он узнал от г-жи С.Д., родственницы Лемы Дикаева, что в эту ночь похитили Лему Дикаева и другого жителя села Мартан-Чу Лечи Басаева.

89. В период с 14 по 28 июня 2007 года следователи допросили пять других жителей села Мартан-Чу: г-на С.А., г-на А.Е., г-на А.Ш., г-на А.А. и

г-на Б.Ш. - все они показали, что слышали о похищении утром 6 июля 2002 года.

90. 28 июня 2007 года следователи допросили г-на М., который был начальником РОВД в рассматриваемый период времени. Согласно свидетелю, в июле 2002 года ему сообщили о группе неустановленных вооруженных лиц, которые похитили двух жителей села Мартан-Чу: Лечи Басаева и Лему Дикаева. Он не помнит, что 6 июля седьмая заявительница сообщала ему о содержании ее брата в РОВД и что 8 июля 2002 года она просила содействия в розысках ее брата Лемы Дикаева. По словам свидетеля, он не говорил заявительнице, что если она подождет год, то ее брат Лема Дикаев вернется домой.

91. 2 июля 2007 года следователи вновь допросили седьмую заявительницу, которая показала, что около 16 часов 6 июля 2002 года она увидела автомобили УАЗ и ВАЗ-2107, выезжающие с территории военной комендатуры района. Через некоторое время в этот же день ей сообщили, что неустановленные люди приезжали к ним домой. Когда седьмая заявительница вернулась домой, ее отец, восьмой заявитель, сказал ей, что какие-то люди на машинах УАЗ и ВАЗ-2107 приезжали к ним домой и искали оружие. Заявительница решила, что эти неизвестные люди приезжали на тех же самых машинах, которые она видела у военной комендатуры. По словам заявительницы, рядом со зданием местной администрации она видела БТРы, на которых похитители увезли ее брата. Заявительница также показала, что 8 июля 2002 года она находилась в городе Урус-Мартан, когда кто-то сообщил ей, что неизвестные люди приехали к ним домой и попытались поджечь его. Один из них сказал восьмому заявителю, что они действуют по распоряжению военного коменданта г-на Г. Заявительница и ее родственник г-н В.Ш. пошли к г-ну М., начальнику РОВД, и попросили его остановить эти действия. Начальник РОВД связался с кем-то по рации и затем сказал заявительнице, что ее дом не будет подожжен.

92. В неустановленное время следователи допросили г-на А.К., главу местной администрации, который показал, что в указанное седьмой заявительницей время никакие БТРы не были припаркованы рядом со зданием местной администрации.

93. 3 июля 2007 года следователи допросили родственника заявителей г-на В.Ш., который показал, что 8 июля 2002 года седьмая заявительница сказала ему поговорить с г-ном М., начальником РОВД по поводу того, что неизвестные люди приехали к ним домой и учинили обыск. Седьмая заявительница не присутствовала при разговоре, она ждала в коридоре. Начальник РОВД ни с кем не связывался по рации, но обещал помочь в разрешении ситуации.

94. По всей видимости, в неуказанное время следователи допросили вновь начальника РОВД г-на М., который дал показания, аналогичные показаниями г-на В.Ш.

95. Согласно Правительству, следствие по уголовному делу №61117 приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. Например, следствие было приостановлено 7 июля 2007 года в виду неустановления личностей

преступников и возобновлено 15 августа 2007 года для проведения дополнительных следственных мероприятий. Затем следствие было приостановлено 15 сентября 2007 года и возобновлено 4 мая 2008 года по тем же причинам.

96. 16 августа 2007 года следователи допросили восьмого заявителя, который показал, что в ночь на 6 июля 2002 года его сын Лема Дикаев был похищен людьми в камуфляже и масках, которые были вооружены автоматическим оружием. Этой ночью свидетель не слышал шума никакой техники. Утром 6 июля 2002 года он узнал, что другой житель села Мартан-Чу, Леча Басаев также был похищен в эту ночь. Днем 6 июля 2002 года группа вооруженных военнослужащих без масок прибыли к его дому. Один из них сказал, что согласно имеющимся у него сведениям, в доме спрятаны автомат, пулемет и две гранаты. Затем они обыскали крышу дома, дом и двор. Свидетель говорил с одним из военнослужащих, однако он не помнит, чтобы тот говорил, что они действовали по распоряжению военного коменданта г-на М.

97. 16 августа 2007 года следователи допросили жителя села Мартан-Чу, г-на Ю.И., который показал, что в указанное время был заместителем главы администрации села Мартан-Чу. Утром 6 июля 2002 года он узнал, что ночью неизвестные люди в камуфляже и масках похитили Лечи Басаева и Лему Дикаева. Кто-то из их родственников обратился за помощью в местную администрацию. По словам свидетеля, он связался с начальником РОВД г-ном М., и запросил данные об обстоятельствах похищения. Последний сказал, что не слышал об обыске в доме Дикаевых. По словам свидетеля, он не видел военную технику 6 июля 2002 года и не давал распоряжения военному коменданту г-ну Г. относительно задержания Лечи Басаева и Лемы Дикаева.

98. 6 сентября 2007 года следствие по уголовному делу было передано из прокуратуры Урус-Мартановского района в Ачхой-Мартановскую межрайонную прокуратуру.

99. 11 сентября 2007 года следователи допросили соседа заявителей г-на С.А., который показал, что узнал от других жителей села о том, что неизвестные люди похитили в ночь на 6 июля 2002 года Лечи Басаева и Лему Дикаева. По словам свидетеля, в ночь похищения он не слышал шум никакой военной техники.

100. Правительство также указало, что заявители должным образом были уведомлены обо всех решениях в ходе следствия.

101. В ответ на запросы Суда Правительство представило несколько документов из материалов дела №61117, ссылаясь то, что следствие по делу продолжается и что раскрытие всех материалов дела было бы нарушением Статьи 161 УПК РФ, поскольку они содержат личные данные о свидетелях и других участниках уголовного процесса. Правительство представило следующие документы:

- 1) постановление о возбуждении уголовного дела по факту похищения от 23 августа 2002 года;
- 2) два постановления о признании потерпевшими первой и седьмой заявителем, датированные 24 августа 2002 года;

- 3) постановления о приостановлении расследования от 23 октября 2002 года, 21 сентября 2003 года, 23 февраля 2004 года, 9 ноября 2005 года и 21 июня 2006 года;
- 4) постановления о возобновлении следствия по делу от 21 августа 2003 года, 21 января 2004 года, 8 ноября 2005 года, 20 июня 2006 года и 7 июня 2007 года;
- 5) решения следователей о принятии дела к производству;
- 6) уведомления заявителей о приостановлении и возобновлении расследования уголовного дела.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

102. См. соответствующее национальное законодательство, например, в деле *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, по. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

103. В виду взаимосвязанных фактических обстоятельств дел и применимого законодательства, Суд считает, что надлежит объединить жалобы и рассмотреть их совместно.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

104. Правительство утверждало, что жалоба была подана не в интересах восстановления нарушенных прав заявителей. Истинным предметом и намерением жалобы было достижение цели политического характера: «выдвинуть обвинения в адрес Российской Федерации как государства, якобы проводящего политику нарушения прав человека на территории Чеченской Республики» и «любые заявления относительно причастности должностных лиц Российской Федерации к событиям, которые описываются в жалобе, являются бездоказательными и, следовательно, необоснованными». Правительство считало, что право на подачу индивидуальной жалобы нарушено заявителями и требовало признать жалобу неприемлемой в соответствии со Статьей 35 § 3 Конвенции.

105. Суд полагает, что обращения, представленные заявителями к рассмотрению, касались непосредственно самих жалоб. В документах дела нет ничего, что свидетельствовало бы о нарушении права на подачу индивидуальной жалобы. Соответственно, это возражение Правительства должны быть отклонено.

III. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

А. Доводы сторон

106. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Лечи Басаева и Лемы Дикаева еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители могли предъявить жалобы в суд или в вышестоящую прокуратуру на действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты. Они также могли предъявить гражданский иск в суд и требовать возмещения ущерба, но они не сделали этого. По мнению Правительства, отказ заявителей использовать эти средства правовой защиты демонстрирует то, что они не верят в смерть своих родственников.

107. Заявители оспорили это возражение и сообщили, что уголовное расследование проводилось неэффективно. Ссылаясь на другие дела, рассмотренные Судом относительно подобных преступлений, заявители также жаловались, что существующая практика не расследования преступлений, совершенных государственными военнослужащими в Чечне, делает все потенциально эффективные средства неадекватными и иллюзорными.

В. Оценка Суда

108. Суд повторяет, что Статья 35 § 1 Конвенции предполагает распределение бремени доказывания. Это означает, что Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имела возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 76, ECHR 1999-V, а также *Mifsud v. France* (dec.), no. 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII).

109. Что касается довода Правительства об отказе заявителей обратиться в суд с ходатайством о признании их родственников пропавшими без вести или умершими, Суд отмечает, что оно не представило никаких сведений о том, как именно такие процессуальные действия могли бы дать заявителям соответствующее удовлетворение. Следовательно, Суд находит, что Правительство не обосновало, какое именно средство отказались заявители использовать для достижения эффективности расследования (см. среди прочего, *Kranz v. Poland*, no. 6214/02, § 23, 17 February 2004, and *Skawinska v. Poland* (dec.), no. 42096/98, 4 March 2003). Таким образом, Суд отклоняет предварительное возражение Правительства в этой части.

110. Что касается уголовных средств защиты, о которых говорило Правительство по данному делу, то Суд замечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу после похищения Лечи Басаева и Лемы Дикаева и что следствие было возбуждено 23 августа 2002 года. Заявители и Правительство оспорили эффективность этого расследования.

111. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом жалоб заявителей по Статье 2 Конвенции. Поэтому указанное возражение должно быть объединено с рассмотрением дела по соответствующим положениям материальной части Конвенции.

IV. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Доводы сторон

112. Согласно утверждению заявителей, не подлежит сомнению на разумных основаниях то, что лица, которые увели с собой Лечи Басаева и Лему Дикаева, были агентами Государства. В подтверждение своих доводов заявители представили такие утверждения. В рассматриваемый период времени село Мартан-Чу находилось под полным контролем федеральных войск. В селе действовал комендантский час. В селе находилась военная комендатура. На дорогах, ведущих в село и их села, располагались блокпосты. Вооруженные люди, похитившие Лечи Басаева и Лему Дикаева, говорили по-русски без акцента и вели себя так же, как при проведении спецслужбами паспортного контроля. Они прибыли на военной технике и свободно передвигались в ночное время на территории Мартан-Чу и проехали через блокпосты. 6 июля 2002 года сотрудник РОВД подтвердил, что видел Лечи Басаева и Лему Дикаева в коридоре РОВД. Четыре других жителя села были задержаны той же ночью и освобождены из РОВД днем 6 июля 2002 года. Военный комендант района сообщил седьмой заявительнице, что ее брат задержан по подозрению в причастности к убийству сотрудника правоохранительных органов.

113. Правительство заявило, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были похищены неизвестными вооруженными людьми. Оно также утверждало, что следствие по делу ведется, что нет доказательств версии о том, что похитители были агентами Государства, и поэтому нет оснований считать Государство ответственным за предполагаемое нарушение прав заявителей. Оно также указало, что хотя похитители были одеты в камуфляжную форму, подобную той, которую используют российские военные, и хотя они были вооружены автоматическим оружием, эти факты не означают, что похитители родственников заявителей принадлежали к государственным военным служащим. Правительство далее указало, что нет убедительных доказательств смерти родственников заявителей. Правительство утверждало, что к преступлению могли быть причастны незаконные

вооруженные формирования, или оно было совершено по мотивам мести. И, наконец, Правительство утверждало, что описание событий, данное заявителями, противоречиво. В частности, заявители не сообщили следователям, что другие четыре жителя села Мартан-Чу, которые были задержаны в эту же ночь и освобождены их РОВД днем 6 июля 2002 года, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были друзьями, что седьмая заявительница последовала за похитителями и что она спрашивала у них, куда они уводят ее брата, что заявители получили информацию об их родственниках утром 6 июля 2002 года от военного коменданта района.

В. Оценка фактов Судом

114. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд основных принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор, в частности, когда сталкивается с заявлениями об исчезновениях по Статье 2 Конвенции (см., краткое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, §§ 103-109, 27 July 2006). В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января 1978, Series A no. 25, § 161 *in fine* § 161).

115. Суд отмечает, что, несмотря на его запросы копии материалов уголовного дела по похищению Лечи Басаева и Лемы Дикаева, Правительство не предоставило вообще никаких документов по делу. Правительство сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, №7615/02, п. 123, ECHR 2006-... (извлечения)).

116. С учётом этого и вышеизложенных принципов, Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в отношении убедительности утверждений заявителей. Суд считает нужным продолжить изучение ключевых элементов этого дела, в котором должно быть принято во внимание, когда стало решено, что родственники заявителей могут считаться мертвыми, и была ли их смерть приписана властям.

117. Заявители утверждали, что лица, которые задержали Лечи Басаева и Лемы Дикаева 6 июля 2002 года, были представителями Государства.

118. Правительство указало, что Лечи Басаев и Лема Дикаев, если были похищены, то преступники могли быть членами незаконных вооруженных формирований или действовали по мотивам мести. Однако это утверждение не было конкретным и не подтверждалось никакими материалами. Суд в этой связи подчеркивает, что оценка доказательств и установление фактов является прерогативой Суда, и именно Суду предстоит определить доказательственную ценность предоставленных документов (см. *Çelikkilek v. Turkey*, no. 27693/95, § 71, 31 мая 2005).

119. Суд отмечает, что утверждения заявителей подтверждаются показаниями свидетелей, собранными самими заявителями и полученными в ходе расследования. Суд считает тот факт, что большая группа

вооруженных людей в униформе передвигалась на военной технике через блокпосты, проверяла документы, удостоверяющие личность, задержала несколько человек в их собственных домах, убедительно подтверждающим версию заявителей о том, что это были сотрудники Государства, проводившие спецоперацию. В своих обращениях к властям заявители указывали, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были задержаны федеральными военнослужащими и просили следствие проверить эту версию (см. пункты 46, 58 и 60).

120. Суд отмечает, что в случае, когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

121. Правительство поставило вопрос о правдивости показаний заявителей, относительно фактических обстоятельств похищения их родственников (см. пункт 113 выше). Суд отмечает в этой связи, что никакие другие составляющие замечаний, как они были представлены заявителями, не оспаривались Правительством. Суд находит, что несоответствия, на которые указало Правительство столь незначительны, что не могут поставить под сомнение достоверность утверждений заявителей. Тем более что свидетельские показания, на который ссылалось Правительство, не были представлены Суду.

122. Суд считает установленным, что заявители представили достаточно серьезные доказательства (*prima facie*) того, что их родственники были задержаны представителями Государства. Утверждение Правительства о том, что следствием не установлена причастность федеральных силовых структур к похищению, является недостаточным и не освобождает Правительство от упомянутого выше бремени доказывания. Ссылаясь на отказ Правительства представить документы, которые находились в его исключительном владении, и, не представив другую убедительную версию событий, Суд заключает, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были похищены 6 июля 2002 года сотрудниками Государства в ходе не признаваемой спецоперации.

123. Никаких новостей о Лечи Басаеве и Леме Дикаеве не было со дня похищения. Их имена не значились ни в одном из официальных списков содержащихся под стражей. В заключении, Правительство не представило никаких объяснений насчет того, что случилось с ними после ареста.

124. Принимая во внимание практику предыдущих постановлений по делам об исчезновении людей на территории Чеченской Республики, рассмотренных Судом, (см. среди прочего, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-...

(extracts); *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 April 2007; *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 July 2007), Суд заключает, что в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Лечи Басаева и Лемы Дикаева, а также каких-либо сведений о них в течение нескольких лет подтверждают данное предположение.

125. Суд далее замечает, что, к сожалению, не может оценить результаты внутреннего расследования ввиду непредставления Правительством большей части материалов уголовного дела (см. выше пункт 101). Однако очевидно, что в ходе следствия личности преступников не были установлены.

126. Таким образом, Суд находит, что имеющиеся доказательства позволяют установить, что Лечи Басаев и Лема Дикаев должны считаться умершими после безвестного задержания сотрудниками Государства.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

127. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственники исчезли после задержания российскими военнослужащими, и государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

A. Доводы сторон

128. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были убиты, и что к их похищению и предполагаемому убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что расследование похищения соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные российским законодательством меры к установлению лиц, совершивших это преступление.

129. Заявители настаивали, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были задержаны представителями федеральных сил и должны считаться умершими по причине отсутствия достоверных сведений о них в течение

нескольких лет. Заявители также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Они указали, что районной прокуратурой не были предприняты некоторые важные следственные мероприятия, такие как допрос свидетелей из военной комендатуры района, которые работали там в рассматриваемый период времени. Они также подчеркнули, что следствие по факту исчезновения их родственников должно было быть передано по подследственности в военную прокуратуру, но следователи не сделали этого. Более того, расследование похищения было начато через шесть месяцев после случившихся событий, и затем оно приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, таким образом задерживалось проведение важных следственных мероприятий. Заявители не были информированы о ходе расследования должным образом. Тот факт, что расследование велось в течение более шести лет без видимых результатов, бесспорно, означал его неэффективность. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду все материалы уголовного дела.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

130. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого не исчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 111 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Лечи Басаева и Лемы Дикаева

131. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147; и *Avşar v. Turkey*, цит. выше, § 391).

132. Судом уже установлено, что родственники заявителей должны считаться умершими после не признаваемого задержания сотрудниками

Государства. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражения агентами Государства Суд делает вывод, что в отношении Лечи Басаева и Лемы Дикаева имеет место нарушение статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

133. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы. Судом выработан ряд принципов, которым надлежит следовать в ходе расследования, чтобы соответствовать требованиям Конвенции (см., краткое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, цит. выше. §§ 117-119).

134. В настоящем деле проводилось расследование по факту похищения Лечи Басаева и Лемы Дикаева. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

135. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду все материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

136. Суд отмечает, что следственные органы были сразу оповещены о похищении обращениями заявителей. Расследование по уголовному делу №61117 было возбуждено 23 августа 2002 года, то есть спустя один месяц и двадцать один день после похищения Лечи Басаева и Лемы Дикаева. По мнению Суда, данная задержка *per se* не могла не повлиять на эффективность расследования такого преступления, как похищение человека при угрожающих жизни обстоятельствах, где критически важные действия должны быть предприняты без промедления. Очевидно, что ряд следственных мероприятий были проведены с задержкой (см. пункты 59, 86, 90 и др.), а некоторые меры не были предприняты совсем. Например, не были установлены и допрошены сотрудники военной комендатуры района, которые могли быть причастны к задержанию родственников заявителей, а также сотрудники РОВД, которые могли видеть Лечи Басаева и Лему Дикаева в коридоре 6 июля 2002 года. Следствие не установило и не допросило других четырех жителей Мартан-Чу, которые, согласно заявителям, были похищены в ночь на 6 июля 2002 года и освобождены на следующий день. Не была определена принадлежность машин БТР, использовавшихся в ночь похищения или допрошены водители. Не были установлены и допрошены военнослужащие, дежурившие в ночь похищения на блокпостах в Мартан-Чу, или проверены регистрационные журналы пересечения блокпостов в ходе комендантского часа. По всей видимости, эти следственные меры должны были быть предприняты, как только было возбуждено расследование. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность

в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

137. Суд также отмечает, что хотя первую и седьмую заявительниц признали потерпевшими по уголовному делу №61117, их лишь информировали о приостановлении и возобновлении производства, но не сообщали ей о других значимых событиях. Это значит, что следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля над ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников.

138. В заключение, Суд отмечает, что следствие по делу №42050 приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, и что имел место длительный период бездействия районной прокуратуры относительно данного производства.

139. Что касается возражения Правительства относительно объединения рассмотрения вопроса приемлемости с рассмотрением дела по существу, поскольку он связан с фактом длящегося уголовного расследования, Суд считает, расследование, которое периодически приостанавливалось и возобновлялось и содержало ряд неоправданных задержек, велось в течение нескольких лет без значимых результатов. Следовательно, Суд находит, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах и отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

140. В свете вышеизложенного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Лечи Басаева и Лемы Дикаева, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

141. Заявители первоначально жаловались на то, что Лечи Басаев и Лема Дикаев подверглись жестокому обращению, находясь в руках агентов Государства, и что в результате исчезновения родственников и не проведения Государством добросовестного расследования этих событий заявители испытывали душевные страдания. Они ссылались на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Предполагаемое нарушение Статьи 3 в отношении Лемы Дикаева

1. Доводы сторон

142. Заявители из семьи Лемы Дикаева утверждали, что их родственник Лема Дикаев подвергся жестокому обращению со стороны агентов Государства, когда его задерживали, и впоследствии он исчез. Факт избиения подтверждали несколько заявителей, и они сообщали следствию

об этом, но власти отказались возбудить уголовное дело по данной жалобе. В поддержку своих утверждений заявители сослались на показания свидетелей и ряд других дел об исчезновениях в Чечне, которые уже рассматривались Судом.

143. Правительство не согласилось с этими заявлениями, так как следствием не было установлено, что Лема Дикаев подвергся бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

2. Оценка Суда

(а). Приемлемость

144. Суд отмечает, что жалоба по Статье 3 Конвенции не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

(b). Существо

145. Суд напоминает, что заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. Для оценки таких доказательств Суд принял стандарт доказывания «вне разумных сомнений», добавив, что такие доказательства могут следовать из одновременного существования достаточно веских, ясных и непротиворечивых выводов или сходных неопровергнутых предположений (see *Ireland v. the United Kingdom*, постановление 18 января 1978, Series A no. 25, § 161 in fine).

146. Суд повторяет, что «когда лицо обращается к властям с потенциально достоверной жалобой на жестокое обращение со стороны полиции в нарушение Статьи 3, это положение в сочетании с общей обязанностью Государства согласно Статье 1 Конвенции обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные ... Конвенцией, подразумевает проведение эффективного официального расследования» (see *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV).

i. Предполагаемое жестокое обращение

147. Что касается жалоб относительно предполагаемого жестокого обращения к Леме Дикаеву во время его содержания под стражей, то Суд отмечает, что нашел установленным, что 6 июля 2002 года он был арестован представителями Государства. Суд также нашел, что в виду всех известных обстоятельств, Лема Дикаев может считаться умершим и что ответственность за его смерть должна быть возложена на органы власти (см. пункт 132 выше). Однако достоверная причина его смерти не установлена. Суд отмечает, что утверждения заявителей о жестоком обращении с Лемой Дикаевым не подтверждены неоспоримыми доказательствами. Заявители сослались на другие дела, согласно которым похищенные люди в ходе задержания подвергались жестокому обращению. Но эта ссылка не может рассматриваться Судом как доказательство того, что вне разумного

сомнения родственник заявителей во время содержания подвергался обращению, нарушающему Статью 3 Конвенции.

148. Что касается жалоб на жестокое обращение с Лемой Дикаевым, которому он подвергся в ходе ареста, то Суд замечает, что члены его семьи были свидетелями задержания и видели, как военные пинали его и избивали прикладами автоматов (см. пункт 25). Суд отмечает утверждение Правительства о том, что внутренним расследованием не было установлено, что Лема Дикаев подвергался бесчеловечному или унижающему вопреки жалобам заявителей (см. пункты 51, 57, 60, 61, 77, 85). Суд отмечает, что согласно показаниям девятой заявительницы, она сообщила следователям о факте жестокого обращения, но она отказались рассмотреть ее жалобу. Правительство в своих замечаниях утверждало, что заявительница на самом деле уведомила власти о жестоком обращении с ее мужем со стороны похитителей (см. пункт 77 выше). Суд отмечает, однако, что, не смотря на специальные запросы Суда, Правительство отказалось представить копии материалов уголовного дела (см. пункт 101 выше), и считает, что может сделать соответствующие выводы из такого поведения Правительства.

149. Суд нашел установленным, что Лема Дикаев был задержан 6 июля 2002 года сотрудниками Государства. Он также считает, что заявители дали показания достаточные при отсутствии опровержения, что он подвергался жестокому обращению в ходе задержания. Бремя доказывания или опровержения, таким образом, должно быть возложено на Правительство (см. пункт 120 выше). Утверждение Правительства, что следствие не нашло доказательств причастности спецслужб к похищению, недостаточно, для того чтобы освободить его от вышеуказанного бремени доказывания.

150. Суд повторяет, что жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, и в этом случае оно попадает в рамки Статьи 3. Оценка этого уровня состоит из следующего: взаимозависимость всех обстоятельств дела, то есть продолжительность такого обращения, физическое и/или психическое воздействие и, в некоторых случаях, пол, возраст и уровень здоровья жертвы (см., среди прочего, *Tekin v. Turkey* постановление от 9 июня 1998, § 52, *Reports* 1998-IV).

151. Представленные доказательства показывают, что в ночь на 6 июля 2002 года военнослужащие, которые ворвались в дом заявителей, силой вывели Лему Дикаева, пинали его и били прикладами автоматов. Суд считает, что это обращение достигло порога «жестокости и унижения», так как не только причинило Леме Дикаеву физическую боль, он должен был испытывать унижение, а также страх в связи с тем, что может с ним случиться в дальнейшем.

152. Учитывая отказ Правительства представить документы, которые находились в его исключительном владении и убедительно опровергнуть утверждения заявителей, Суд находит, что в данном случае имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении Лемы Дикаева.

3. Эффективность расследования

153. Суд отмечает, что заявители подняли вопрос относительно жестокого обращения со стороны сотрудников Государства перед

следственными органами, когда описывал обстоятельства похищения Лемы Дикаева (см. пункты 51, 57, 60, 61, 77). Однако расследование не сделало никаких значимых результатов в этой связи.

154. По причинам, обозначенным выше в пунктах 133 и 140 относительно процедурного обязательства по Статье 2 Конвенции, Суд заключает, что Правительство отказалось провести эффективное расследование по факту жестокого обращения к Леме Дикаеву.

155. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 3 и в этом аспекте.

А. Предполагаемое нарушение Статьи 3 в отношении душевных страданий заявителей

1. Доводы сторон

156. Заявители утверждали, что в результате исчезновения их родственников и отказа Правительства провести всестороннее расследование, они испытали душевные страдания в нарушение Статьи 3 Конвенции

157. Правительство не согласилось с этими заявлениями и указало, что следствием не установлен факт бесчеловечного или унижающего обращения, нарушающего Статью 3 Конвенции.

2. Оценка Суда

(a) Приемлемость

158. Суд отмечает, что настоящая жалоба по Статье 3 не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

(b) Существо дела

159. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 г.; *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

160. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками пропавших. Более шести лет они не получали сведений о Лечи Басаеве и Леме Дикаеве. В течение этого периода они обращались с запросами о своих родственниках в различные официальные органы. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители так и не получили какого-либо приемлемого объяснения или информации о том, что случилось с Лечи Басаевым и Лемой Дикаевым после похищения. В полученных заявителями ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание или им просто сообщали, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

161. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их близких родственников и неспособности выяснить, что с ними произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

162. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

163. Далее заявители утверждали, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были задержаны в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

164. Правительство заявило, что нет данных, которые подтверждали бы, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были лишены свободы в нарушение гарантий, предусмотренных Статьей 5 Конвенции.

165. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

166. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 5 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

167. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г. и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

168. Суд считает установленным, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были задержаны представителями Государства 6 июля 2002 года. Их задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения об их дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

169. Суд далее считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите родственников заявителей от риска исчезновения.

170. Исходя из этого, Суд считает, что Лечи Басаев и Лема Дикаев были подвергнуты безвестному задержанию без соблюдения каких бы то ни было гарантий по Статье 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

171. Заявители жаловались, что был проведен незаконный обыск в их домах, и таким образом было нарушено их право в отношении жилища. Они также жаловались, что исчезновение их близких родственников после задержания представителями Государства стало причиной стресса и страданий, которые должны быть расценены как нарушение права на семейную жизнь. Заявители сослались на Статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.»

(а) Право в отношении жилища

i. Право в отношении жилища заявителей семьи Лечи Басаева

172. Суд повторяет, что в то время как в соответствии со Статьей 35 §§ 1 Конвенции, те, кто желают обратиться с жалобой против государства в Суд, вначале обязаны использовать все предусмотренные национальной правовой системой средства правовой защиты. При этом не существует обязательства прибегать к средствам защиты, которые неадекватны или неэффективны. Если у заявителя нет доступа к средствам правовой защиты, или если он считает их неэффективными, шестимесячный срок исчисляется с момента совершения деяния, на которое подается жалоба (см. *Hazar and Others v Turkey* (dec.) no. 62566/000 et seq., 10 января 2002). Из рассматриваемого дела не следует, что заявители надлежащим образом обращались к национальным властям с жалобами на нарушение их права на уважение жилища, частной и семейной жизни. Хотя обжалуемые события имели место 6 июля 2002 года, их жалоба была подана только 19 апреля 2005 года. Таким образом, Суд заключает, что эта часть жалобы подана с нарушением шестимесячного срока (см. *Musayeva and Others v. Russia* (dec.), no. 74239/01, 1 июня 2006; *Ruslan Umarov v. Russia* (dec.), no. 12712/02, 8 февраля 2007).

173. Отсюда следует, что данная часть жалобы была подана вне установленного срока и подлежит отклонению в соответствии со Статьей 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

ii. Право в отношении жилища заявителей семьи Лемы Дикаева

174. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы заявители с седьмого по одиннадцатый указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 8 Конвенции.

175. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (a). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см., например, *Chojak v. Poland*, no. 32220/96, Commission decision of 23 April 1998; *Singh and Others v. the United Kingdom* (dec.), no. 30024/96, 26 September 2000; and *Stamatios Karagiannis v. Greece*, no. 27806/02, § 28, 10 February 2005).

176. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (a) Конвенции.

(b) Право на семейную жизнь

177. Заявители жаловались на невозможность продолжать семейную жизнь с Лечи Басаевым и Лемой Дикаевым, что определяется теми же основаниями, которые были выше рассмотрены по Статьям 2 и 3 Конвенции. Принимая во внимание выводы Суда относительно данных положений, Суд решает, что эта жалоба должна быть признана приемлемой. Однако он находит, что нет необходимости поднимать отдельный вопрос по Статье 8 Конвенции в отношении данной жалобы (see, *mutatis mutandis*, *Ruiani v. Romania*, no. 34647/97, § 66, 17 June 2003; *Laino v. Italy* [GC], no. 33158/96, § 25, ECHR 1999-I; and *Canea Catholic Church v. Greece*, 16 December 1997, § 50, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VIII).

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

178. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Доводы сторон

179. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Заявители имели возможность обжаловать действия или бездействия следственных органов в суде или перед вышестоящей прокуратурой. В целом Правительство утверждало, что нарушения Статьи 13 не было.

180. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка суда

1. Приемлемость

181. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

182. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Согласно установившейся практике Суда, Статья 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному государственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя государствам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» по смыслу Конвенции (см, помимо прочих источников, *Halford v. the United Kingdom*, постановление от 25 июня 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions 1997 III*, стр. 1020, § 64).

183. Что касается жалобы заявителей на отсутствие эффективных средств защиты в отношении их жалобы на нарушение Статьи 2, Суд считает нужным подчеркнуть, учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, что Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что в частности предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyli Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva*, №57942/00, №57945/00, § 183, 24 февраля 2005).

184. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2 указанную жалобу явно следует считать "потенциально достоверной" для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., серия А № 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и к назначению компенсации в соответствии со Статьей 13.

185. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование уголовного дела по факту лишения жизни оказалось неэффективным, что в свою очередь подрывало эффективность любого другого потенциально имеющегося в наличии средства, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

186. Следовательно, имеет место нарушение статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

187. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статей 3 и 5 Конвенции, Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьями 3 и 5 Конвенции (см. *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 119, 15 ноября 2007, и *Aziyev v. Russia*, no. 77626/01, § 118, 20 марта 2008).

Х. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

188. Заявители жаловались, что при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, они подверглись дискриминации по той причине, что они являлись жителями Чечни и были чеченцами по происхождению. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

(а) Предполагаемое нарушение Статьи 14 Конвенции в отношении заявителей из семьи Лечи Басаева

189. Суд отмечает, что в его распоряжение не было предоставлено доказательств, которые свидетельствовали бы об ином обращении с заявительницей, нежели с другими людьми в аналогичной ситуации, без объективных и рациональных причин, а также доказательств того, что заявители когда-либо обращались с подобной жалобой к российским властям. Поэтому Суд находит, что данная жалоба не обоснована.

190. Поэтому Суд находит, что данная часть жалобы не обоснована и должна быть отклонена в связи со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

(а) Предполагаемое нарушение Статьи 14 Конвенции в отношении заявителей из семьи Лемы Дикаева

191. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 14 Конвенции.

192. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей

жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см., например, среди прочего *Stamatios Karagiannis v. Greece*, цит. выше).

193. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

XI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

194. Статья 41 Конвенции устанавливает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

A. Возражение Правительства

195. Правительство утверждало, что документ, содержащий требования заявителей о справедливой компенсации, был подписан г-ном О. Солвангом, г-ном Р. Лемэтром, тогда как, по мнению Правительства, заявители были фактически представлены г-жой Е. Ежовой, г-жой А. Мальцевой, г-ном А. Николаевым, г-ном А. Сакаловым. Поэтому Правительство настаивало на том, что требования заявителей о справедливой компенсации недействительны.

196. Суд указывает на то, что заявители выдали доверенности сотрудникам «Правовой инициативы по России», неправительственной организации, которая сотрудничает со многими юристами. Поскольку г-н О. Солванг, г-н Р. Лемэтр входят в штат этой организации, то Суд не сомневается в том, что они должным образом были уполномочены подписать требования о справедливой компенсации от имени заявителей. Поэтому данное возражение Правительства должно быть отклонено.

B. Возмещение материального ущерба

197. Первый и четвертый заявители потребовали возмещения ущерба за потерю заработков их родственника Лечи Басаева. Они указали, что были материально зависимы от него и могли бы рассчитывать на его финансовую поддержку в будущем. Первая заявительница как жена Лечи Басаева потребовала 117 039.00 российских рублей (приблизительно 3,344 евро) и четвертая заявительница как его дочь потребовала 42 882.00 рублей (приблизительно 1,225 евро). Письмом от 7 апреля 2009 года заявители уведомили Суд, что не намерены далее требовать компенсации материального ущерба в пользу второй заявительницы.

198. Девятый, десятый и одиннадцатый заявители потребовали компенсации материального ущерба в отношении их похищенного родственника Лемы Дикаева. Они указали, что были материально зависимы от него и могли бы рассчитывать на его финансовую поддержку в будущем. Девятая заявительница, как жена Лемы Дикаева, запросила 165 536.00 российских рублей (приблизительно 4,703 евро), десятый и одиннадцатый

заявители, дочери пропавшего запросили 31 430,00 рублей (900 евро) и 36 966.00 рублей (1,056 евро) соответственно.

199. Их расчеты были выполнены в соответствии с положениями Гражданского Кодекса РФ и Огденских страховых таблиц, изданных Правительственным Отделом Страховых Расчетов Великобритании в 2007 году (“Огденские таблицы”).

200. Правительство сочло эти требования необоснованными.

201. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь, и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Принимая во внимание эти доводы, находит прямую причинно-следственную связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственников заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую они мог бы им обеспечить. Исходя из утверждений заявителей и отсутствия документов, подтверждающих размер заработков Лечи Басаева и Лемы Дикаева на момент похищения, Суд присуждает 3,000 евро первой заявительнице, 1,000 евро четвертой заявительнице, 3,500 евро девятой заявительнице, 900 евро десятой заявительнице и 1,000 евро одиннадцатой заявительнице в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

С. Возмещение морального вреда

202. Заявители требовали присуждения компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери членов их семьи, а также безразличия, проявленного властями в отношении них, и непредставления им никакой информации о судьбе Лечи Басаева и Лемы Дикаева. Заявители из семьи Лечи Басаева (с первого по шестой) требовали компенсации в размере 70,000.00 евро в этой связи, заявители из семьи Лемы Дикаева (с седьмого по одиннадцатый) требовали в целом 80,000.00 евро.

203. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

204. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнаваемым задержанием и исчезновением родственников заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что заявителям был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Он присуждает заявителям из семьи Лечи Басаева, то есть первому, третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям 35,000 евро совместно, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы. Суд присуждает заявителям из семьи Лемы Дикаева, то есть седьмому, восьмому, девятому, десятому и одиннадцатому заявителям 35,500 евро совместно, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

D. Издержки и расходы

205. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования по ставке 50 евро в час, составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи юридическим представительством заявителей из семьи Лечи Басаева составила 7,913 евро. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи юридическим представительством заявителей из семьи Лемы Дикаева составила 8,623 евро.

206. Правительство оспорило разумность и оправданность сумм возмещения, запрашиваемых по этому основанию. Также Правительство указало на то, заявители не подали документы, подтверждающие почтовые расходы.

207. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

208. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

209. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что представители заявителей в соответствии со Статьей 29 § 3 передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Кроме того, в деле было незначительное количество документов, так как Правительство отказалось предоставить большую часть материалов уголовного дела. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

210. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 12,000 евро за ведение обоих дел, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

E. Выплата процентов

211. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение объединить жалобы;*
2. *Принимает решение исключить жалобы из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб седьмого, восьмого, девятого, десятого и одиннадцатого заявителей на нарушение Статей 8 и 14 Конвенции;*
3. *Постановляет объединить возражения Правительства относительно не исчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;*
4. *Объявляет жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5, 8 (в отношении жалоб на нарушение права на семейную жизнь) и 13 Конвенции приемлемыми и остальную часть жалоб не приемлемыми;*
5. *Постановляет, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Лечи Басаева и Лемы Дикаева;*
6. *Постановляет, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Лечи Басаева и Лемы Дикаева;*
7. *Постановляет, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении Лемы Дикаева;*
8. *Постановляет, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении отказа провести эффективное расследование обстоятельств жестокого обращения к Леме Дикаеву;*
9. *Постановляет, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;*
10. *Постановляет, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Лечи Басаева и Лемы Дикаева;*
11. *Постановляет, что нет оснований поднимать вопрос о нарушении Статьи 8 Конвенции в отношении заявленного нарушения права на семейную жизнь и отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 и 5;*
12. *Постановляет, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;*
13. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы:
 - i. 3 000 (три тысячи) евро в возмещение материального ущерба первому заявителю;
 - ii. 1 000 (одна тысяча) евро в возмещение материального ущерба четвертому заявителю;
 - iii. 3 500 (три тысячи пятьсот) евро в возмещение материального ущерба девятому заявителю;
 - iv. 900 (девятьсот) евро в возмещение материального ущерба десятому заявителю;

- v. 1 000 (одна тысяча) евро в возмещение материального ущерба одиннадцатому заявителю;
 - vi. 35 000 (тридцать пять тысяч) евро первому, третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям совместно в качестве компенсации морального вреда,
 - vii. 35 000 (тридцать пять тысяч) евро седьмому, восьмому, девятому, десятому и одиннадцатому заявителям совместно в качестве компенсации морального вреда,
 - viii. 12 000 (двенадцать тысяч) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;
- (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
14. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно справедливой компенсации

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 28 мая 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен, Секретарь Секции

Кристос Розакис, Президент